

Народный артист СССР Евгений Яковлевич Весник блистает не только на сцене.

МОИ

На досуге он умудряется придавать весьма элегантную литературную форму своим житейским наблюдениям, свидетельством чего стали две книжки, вышедшие в издательстве «Вагриус». В настоящее время близка к завершению третья книга, которую маэстро надеется выпустить в свет с помощью того же издательства. А пока он любезно предложил редакции «Вечерней Москвы» несколько сюжетов, объединенных общим названием «Мои опыты» (чувствуется, что Евгений Яковлевич не избежал влияния знаменитого француза Мишеля Монтеня, любви к которому не скрывает).

Тетя

Мамина сестра тетя Оля всю жизнь мечтала стать профессиональной певицей, но... не позволил сделать это несовершенный слух... Была у нее любимая оперная партия, которую она так и не смогла идеально спеть, всегда были погрешности. И вот за минуту до смерти в городе Градец-Горолово в Чехословакии она, одетая в белую длинную рубашку, встала во весь свой рост на постели и вдруг, по свидетельству присутствовавших при этом, абсолютно точно, без единой ошибки спела эту свою любимую арию, легла на постель и со счастливой улыбкой на лице отошла в мир иной.

Патриот

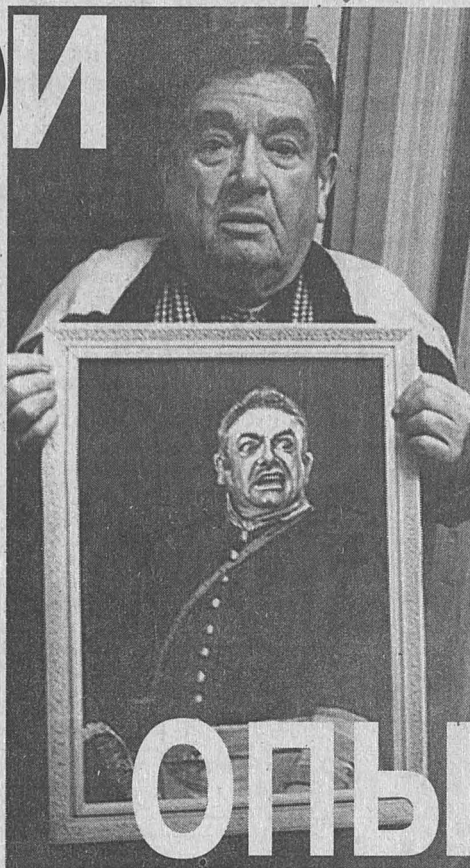
Латвия. Дзинтари. 60-е годы. Местный житель знакомит меня, артистов Малого театра Бориса Горбатова и Геннадия Сергеева с достопримечательностями чудесного курорта: «Это дача знаменитого писателя, вы видите забор с национальным орнаментом, ему уже 120 лет — это очень красиво, правда? Мы очень гордимся такими красотоми — это наше. Национальное! Вот костел старинный — это тоже типично наше...»

Подходим к железнодорожному вокзалу: «Этот вокзалчик типично нашей архитектуры... А вот ларечек с национальным орнаментом на крыше... Это все наше... и пиво в ларечке вкусное-вкусное, наше пиво...»

Наливают нам по кружке пива. Заходим за ларек, чтобы не мешать другим... На земле валяются обгрызанная вобла, несколько рыбьих голов, рванные пакеты, окурки, пустые пачки из-под сигарет и даже использованный резиновый противозачаточный «препарат». Наш гид холодно сказал: «А это — ваше».

Часы

Киевский аэропорт Борисполь. 1972 год. Зал ожидания. Дремлю в кресле, задерживается рейс на Москву. В метрах 15-ти напротив меня киоск «Подарунки». За прилавком весьма и весьма аппетитная молодая блондинка. С ней беседует негр... Он взял ее руку в свою, пытается ее поцеловать. Она легко отталкивает его. Жестами просит уйти. Негр вздыхает и уходит... Через минут 15—20 повторяется почти та же картина... Он уходит и снова подходит... что-то говорит, показывая на свои золотые большие наручные часы... Киоск закрывается. Вывешивается табличка «Перерыв». Через 40 минут появляется красивая блондинка, снимает

ОПЫТЫ

табличку, открывает киоск. На ее левой руке — большие часы негра.

«Свой»

На одном из банкетов в Кремле знаменитый режиссер, народный артист СССР Иван Александрович Пырьев, одетый в синий бостоновый костюм, потянулся за черной икоркой с желанием соорудить себе бутербродик... Кто-то тронул его за плечо и прошептал: «Полковник велел икру не трогать...» Говоривший был одет тоже в синий бостоновый костюм. Оглядываясь, Иван Александрович обнаружил большое количество «гостей» в синих бостоновых костюмах.

Король Жора

Гениальный народный артист СССР Б. Л-в флиновал по залам Кремля во время праздничного правительственного банкета и оказался вблизи приглашенных — из какой страны, не помню — короля и королевы, официально и очень чопорно одетых. Вдруг он услышал из уст королевы обращенную к королю фразу с явным одесским акцентом:

«Жора! Пойдем домой. Я падаю!!»

«Вам звонят»

Б. Л-ва всегда приглашали на все официальные кремлевские приемы и банкеты...

Был он уже немолодым человеком и часто не соразмерял своих желаний и возможностей в трудном деле восприятия крепких напитков. Чрезмерное их употребление не проходило мимо зорких и бдительных носителей синих бостоновых костюмов, и на каждом приеме один из них удостоивал «отеческим» вниманием нашего известного артиста тем, что подходил к не-

му, брал под ручку и ласково произносил один и тот же текст: «Вам звонят» и тихонечко провожал до вешалки, помогал одеться и передавал его дальнейшую судьбу в руки шофера — тоже в синем бостоновом костюме.

Известный артист всякий раз был недоволен такой драматической развязкой кремлевских «посиделок» и решил посоветоваться со своим коллегой по театру, не менее известным артистом, и выработать новую более вольную тактику поведения, чем просто поддаваться уговорам «синего бостонного костюма» и бесславно покидать стены древнего Кремля...

— Подойди к Вячеславу Михайловичу Молотову и пожалуйся ему, — посоветовал мудрый коллега.

Очередной прием в Кремле. Наш герой смело подходит к Молотову, курировавшему тогда искусство СССР, и просит огрadyть его от назойливого «синего костюма».

— Нне-е волну-уйтесь, — слегка заикаясь говорит всеисильный Вячеслав Михайлович. — Вас больше никто не побеспокоит...

Наш довольный герой благодарит «Великого Мира Того» и смело приступает к дегустации разнообразных и вкуснейших напитков.

Хмелеет... Слабеет... Чувствует себя ужасно... Слегка пошатывается, его клонит ко сну... И вдруг пред уставшими очами — родной синий костюм!

— Драгой друг! Чтооо за бобразие, почему мне никто не звонит? — возмущается наш герой. — Сей момент, прошу за мной. Сейчас соединю с кем угодно...

— Ты меня соедини с водителем Мишей в синем костюме, ну, у которого нос большой... А товарищу Молотову передай, что мы с тобой нашли общий язык, что мы подружились и все замечательно!

... Через месяц снова прием и снова наш герой за кремлевской стеной, и снова встреча с закадычным другом.

— Здравия желаю. Рад вас видеть. Как настроение? Как быть с телефонными звонками?

— Друг мой, — наш герой обнял «костюм», — пускай звонят и зови меня обязательно, а то ведь это свинство не подходить к телефону!! Верно?

Б. Л-в и «костюм» в укромном уголке выпили на брудершафт, но тайком, чтобы никто из других «костюмов» не заметил этого грехопадения. «Костюм» вторую выпить отказался: «Ни-ни, телефонная связь — дело ответственное. Без меня, не дай Бог, и обрыв может случиться».

